

Светлана Алексиевич: «Время проклятий прошло, пора начинать размышлять и работать над ошибками»

Отрывок из книги «Время second-hand. Конец красного человека», над которой сейчас работает писатель Светлана Алексиевич, опубликованный в «АиФ» № 49, вызвал большой резонанс. В продолжение начатой темы мы побеседовали со Светланой Александровной о том, что она поняла о стране и о живущих в ней людях за 30 лет работы над документально-художественной хроникой под общим названием «Автобиография одной Утопии, или История красного человека». - Я пытаюсь понять, что это за огромная человеческая магма - Россия. Этот русский котёл - он всё время в кипении. Но что варится в этом котле? Я разговаривала с десятками людей из разных городов России и на сегодня могу сказать: мы не знаем, кто мы. Огромная пропасть пролегла между всеми - между поколениями, между народом и властью. Положение это достаточно отчаянное! Последняя точка отсчёта «АиФ»: - Светлана Александровна, для одной из книг вы собрали десять историй самоубийств. Можете ли вы объяснить странную закономерность, сложившуюся в обществе: почему именно смерть сегодня вызывает максимальный интерес? Почему заслуженных актёров, учёных, годами живших в нищете, осыпают почестями и званиями лишь посмертно, почему старикам надо сгореть в их домах престарелых, чтобы на эту проблему обратили внимание? Светлана Алексиевич: - Возможно, это происходит потому, что из нашей жизни исчезло Событие. Именно так, с большой буквы. Самое большое событие последних 20 лет - перестройка. Всё остальное - война в Чечне, передел собственности и всей России, перестрелки - не вызывало у народа такого же интереса и сочувствия. Это вообще был уникальный период - начало 90-х. С одной стороны, рухнули все ценности, казавшиеся до этого незыблемыми. С другой - все бросились учиться жить. Демократы думали, что люди прежде всего будут учиться свободе, но мир потребления оказался гораздо привлекательнее. В результате люди не смогли разобраться в окрошке из перестроечных лозунгов и магазинных соблазнов и начали преступать запреты. Негласно было объявлено: за деньги можно всё! И на этом фоне смерть осталась единственным загадочным, абсолютно метафизическим событием, попробовать которое не под силу никому. Будь ты Абрамовичем с миллиардами или бомжом, умирающим под забором, есть у тебя власть, нет её - ты не сможешь приподнять эту непроницаемую завесу тайны. Дело ещё и в том, что мы сегодня невероятно растеряны, морально опустошены. Бросаемся сначала в капитализм и рынок. Потом, выяснив, что с капитализмом пришло что-то совсем не то, чего все ожидали (а ждали, наверное, капитализм с лицом академика Лихачёва или Сахарова, а не с физиономиями известных нам персонажей), откатились назад - к ностальгии по социализму. К сожалению, и церковь сегодня не в состоянии собрать это ещё недавно глубоко атеистическое общество. Поэтому все и останавливаются возле смерти, начинают озираться: что присходит со мной, со страной, с людьми? Смерть стала последней точкой отсчёта. А вот в Европе такого благоговейного отношения к смерти нет - её как можно быстрее стараются убрать, образно говоря, в дальнюю комнату, чтобы не нарушить некие негласные законы гармонии в обществе. «АиФ»: - К смерти мы и европейцы относимся по-разному. А к деньгам? С. А.: - Почти 10 лет прожив в Европе, точно могу сказать: здесь деньги - мера счастья. У нас, православных, земное - всегда временное. Не можем воспринимать «Мерседес» и коттедж как смысл жизни. Нам стараются навязать эти ценности, но для славянской души они не могут быть последним аргументом под крышкой гроба. Один таксист как-то признался мне, что в свои последние минуты он будет вспоминать не сколько денег заработал, а как пил красное вино из тувельки любимой женщины. Я, честно говоря, не ожидала услышать подобное признание от матёрого мужика. Русская стихийная натура не уместается в узкие материальные рамки. Россию спасут одиночки «Я вижу: в провинции есть люди, готовые созидать. Возможно, они и спасут Россию», - считает писательница. Фото Алексея Витвицкого «АиФ»: - В своих книгах вы описали три войны - Великую Отечественную, афганскую и чеченскую. Отличались ли они поведением людей, тем влиянием, которое оказали на общество? С. А.: - Несомненно! Предчувствую, что в меня полетят тысячи камней и из одного, и из другого лагеря, но я всё равно скажу: в те годы - 40-е, 50-е - существовал на земле уникальный советский человек. Не будет больше никогда таких людей! Да, слишком задёшево они легли в землю, в чём-то были слепы, в чём-то - слишком наивны. Но тем не менее они совершали потрясающие поступки. У меня есть рассказ о случае в Петрозаводске. Немецкие войска, отступая, захватили в плен русскую девушку-подпольщицу. Один из офицеров не хотел её убивать и предложил: «Скажи перед строем, что Сталин - подлец и преступник. И я тебя помилую». Ну кто бы её услышал? Немцы, не понимавшие русского, да несколько уцелевших односельчан? Но её внутренний моральный стержень был настолько негибким, что она, 20-летняя девчонка, даже перед лицом смерти не смогла пойти на компромисс с совестью. Её расстреляли. К счастью, недострелили - девушку выходили соседи. Представить себе что-нибудь подобное в наши дни невозможно абсолютно! Афганская война - другая история. Помню, как приехала на военный аэродром. Мы поднялись в воздух на вертолёте... И я обратила внимание: там, внизу, на земле, что-то блесит. «Что это за блеск?» - спрашиваю. Ребята-десантники отвечают: «Цинковые гробы». Вы можете себе представить, что чувствовали эти мальчишки,

которым каждый день слепил глаза блеск гробов, один из которых, возможно, предназначался кому-то из них? А они совершенно не понимали, за что гибнут на этой войне. «Не знаю, за что» - таков лейтмотив афганской войны. Хотя ещё были живы некие идеалы - интернациональный долг, идея мировой революции, свободы угнетённых. А Чечня... Это абсолютно трагическая страница русской истории. Как она повлияла на нас? Загляните в любую ленту новостей: каждый день - новое убийство... Я думаю, что эти локальные вооружённые конфликты на окраинах страны виновны в криминализации нашего сознания. Чеченская война отменила очень важный запрет: своих, живущих в одной с тобой стране, учившихся в таких же школах, смотревших такие же фильмы, можно убивать как врагов. Но мы эту проблему не хотим проговаривать, предпочитая её не замечать. На мой взгляд, наше общество находится в подростковом состоянии. «АиФ»: - Но нации всё равно придётся взрослеть. Можно ли это сделать мирным путём? С. А.: - Если случится что-то кровавое - а такой вариант я не исключаю, то ответственность за это будет нести не только элита политическая, но и творческая. Потому что мы - писатели, режиссёры, художники - не делаем сегодня свою главную работу: мы не пытаемся вызвать общество на разговор, на попытки проанализировать свою жизнь. Я смотрю на немцев. Они достаточно долго молчали - переживали шок после крушения гитлеровской империи. Но лет через 20 заговорили немечские интеллектуалы - о вине, о грехе, который совершили перед миром. Я спросила одного из немецких политиков: почему вы до сих пор обсуждаете произошедшее 60 лет назад? И он ответил: потому что нравственность не сформируется сама - над этим надо работать. А правители должны знать свой народ и то, какие опасности подспудно зреют в обществе.

Наши же художники занялись развлекательством... Знаете, один европейский режиссёр на вопрос, что вас больше всего потрясло в современной России, ответил: то, как быстро российская творческая элита побежала подбирать объедки со стола олигархов. А эта российская кухонная интеллигенция - она словно сгинула куда-то!.. Я вспоминаю прекрасные лица людей, которые собирались на мощные демонстрации в конце 80-х, и думаю - где же все они? Неужели поголовно эмигрировали? Да, сейчас некоторые пытаются по-прежнему выходить на улицу - согласные, несогласные... Но путь уличного протеста - самый простой. Ты, бунтующий, почему чувствуешь себя героем? Потому что отсидел, как пацан, в кутузке за хулиганство? А что ты предложил конкретного? Что можешь сказать людям, кроме общих громких фраз? Время проклятий, толпы, коллективного бунта прошло. Настала пора интеллектуальных осмыслений. И мы, писатели, должны впитать в себя ту энергию разрушения, ожидания, разочарования, которая носится в воздухе, облечь её в слова, образы. И этим помочь осмыслить проблему, найти пути решения. Меня утешает только одно. Я много езжу по стране и вижу: в провинции есть люди, которые в одиночку что-то делают - открывают музеи, пытаются докопаться до правды в тёмных страницах нашей истории, занимаются с детьми. Эти люди, возможно, и спасут Россию. Досье Светлана Алексиевич родилась в 1948 г. в Ивано-Франковске (Украина), позже семья переехала в Белоруссию. Будучи в оппозиции к президенту Белоруссии А. Лукашенко, несколько лет живёт в эмиграции в Европе. Её книги «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва» и др. отмечены международными премиями. «Время second-hand». Отрывок из книги Светланы Алексиевич